

На правах рукописи

Агарин Ефим Владимирович

**ТОЛСТОВСТВО
И ТОЛСТОВСКИЕ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЕ КОЛОНИИ
В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ**

Специальность 07.00.02 — Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Казань – 2016

Работа выполнена в ФГАОУ ВО «Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор кафедры истории и политики России Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
Медведев Александр Викторович

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор кафедры истории России и вспомогательных исторических дисциплин Нижегородского государственного педагогического университета им. Козьмы Минина
Сапон Владимир Петрович

кандидат исторических наук, доцент кафедры «История и культура» Ульяновского государственного технического университета
Петухова Татьяна Владимировна

Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет»

Защита диссертации состоится 16 июня 2016 года в 10 часов на заседании диссертационного совета Д 212.081.01 по историческим наукам при Казанском (Приволжском) федеральном университете, по адресу: 420008 г. Казань, ул. Пушкина 1/55, аудитория 502.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке им. Н.И. Лобачевского ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (г. Казань, ул. Кремлевская, д. 35, читальный зал №1).

Электронная версия автореферата и диссертации размещены на официальном сайте Казанского (Приволжского) федерального университета <http://www.kpfu.ru> и на официальном сайте Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ <http://www.vak.ed.gov.ru>

Автореферат разослан 16 апреля 2016 года

И.о. ученого секретаря
диссертационного совета,
доктор исторических наук, профессор

О.В. Сеницын

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Данное исследование посвящено одному из малоизученных в историографии вопросов – т.н. «толстовству», которое рассматривается нами в широком смысле, как исторически обусловленный тип мировоззрения группы лиц – Л.Н. Толстого и его последователей (толстовцев), а также – явлению толстовских земледельческих колоний в дореволюционной России, выступавших практическим воплощением этого мировоззрения. В свою очередь под толстовскими колониями в исследовании подразумеваются коллективные или, реже, индивидуальные поселения толстовцев «на земле», организованные целенаправленно в связи с нравственными, а не экономическими мотивами участников. Актуальность темы может быть представлена по меньшей мере в трех аспектах.

Социальная актуальность – толстовство является одной из форм утопического сознания, а колонии толстовцев – его практическим воплощением. Отметим лишь, что любая утопия оборачивается поиском нового социального устройства, не существовавшего прежде, ведь, как точно заметил Г. Флоровский, «потребность уйти из истории и поселиться в благочестивой Утопии» является и «надеждой создать новый мир»¹. В этом отношении характерна известная концепция К. Мангейма, который рассматривал утопию и идеологию в качестве двух полюсов коллективных представлений. По Мангейму, не только постоянен процесс преобразования утопий в идеологии, но и сами они, взаимодействуя между собой, дополняют друг друга². В этом смысле исследования утопий как явления, неизбежно сопровождающего развитие человеческой цивилизации, претендуют, пожалуй, на непреходящую актуальность.

Политическая актуальность – опыт всемирной истории XX в., наполненного кровавыми войнами и революциями, выдвигает необходимость поиска альтернативных способов разрешения социально-политических конфликтов. Пацифистские идеологии вообще и толстовство в частности предоставляют совершенно иной подход к проблеме насилия, прочно укоренившегося в практической жизни человечества. Вместе с тем противопоставить апологии насилия пацифизм не означает отказаться от привычной защиты своих социальных или национальных интересов. Опыт М. Ганди, М.Л. Кинга, современных т.н. «новых социальных» движений показывает, что ненасильственное сопротивление, положенное когда-то и в основу жизни толстовских колоний, также способно быть эффективным и решать конкретные социальные задачи.

Национально-культурная актуальность – Д. Дрейк афористично писал: «Внутри каждого русского живет маленький Толстой. Конечно, не в смысле

¹ Флоровский Г. Пути русского богословия. Вильнюс, 1991. С. 409.

² Мангейм К. Идеология и утопия. Утопическое сознание // Утопия и утопическое мышление. Антология зарубежной литературы. М., 1991. С. 113-169.

литературного дара или силы личности, но в его отношении к жизни»³. Действительно, некоторые черты, зафиксированные в толстовском мировоззрении, пожалуй, не были нивелированы в ходе перипетий истории Отечества XX в. и характерны для современного нам российского общества. Среди них можно наметить идеализацию прошлого на фоне веры в особую миссию страны в будущем, непредсказуемое сочетание капиталистического индивидуализма с традиционным коллективизмом, политический индифферентизм, своеобразную и неоднозначную реакцию на рыночные отношения. Явление же толстовских колоний может быть интерпретировано в качестве цивилизационной реакции на капитализм. Таким образом, изучение такого протеста актуализируется еще и развитием капиталистических отношений в современном нам российском обществе. В этом отношении невозможно не упомянуть своеобразное возрождение толстовства в 1990-е гг., хотя и в неожиданной и парадоксальной форме «Церкви Льва Толстого»⁴, равно как и ощутимую распространенность толстовских текстов и идей на просторах Рунета.

Степень изученности проблемы. Отметим основные работы, посвященные не только толстовским колониям, но и толстовству. До революции 1917 г. оно вызывало определенный интерес исследователей, но подавляющее большинство работ носило описательный характер. Среди них следует отметить монографию Е. Баранова «Толстовцы»⁵, а также – довольно подробное исследование А.С. Пругавина «О Льве Толстом и о толстовцах»⁶. В сравнении с ними особенную ценность представляет работа С.Н. Кривенко «На распутьи»⁷ об интеллигентских земледельческих колониях, часть которых основывалась и толстовцами. Заслуга Кривенко состоит не только в наиболее продуктивном сборе фактических сведений, но и в предпринятой попытке интерпретировать и объяснить изучаемое им явление.

Основателями марксистского подхода к толстовству еще в досоветский период выступили В.И. Ленин и В.Д. Бонч-Бруевич. Ленин, не исследуя толстовство непосредственно, выдвинул ряд ценных тезисов о его социальной природе, как идеологии «кающихся» дворян, отражающей интересы патриархального крестьянства. Классической ленинской работой является статья «Лев Толстой, как зеркало русской революции»⁸. Бонч-Бруевич скрупулезно изучал сектантство в целом и толстовство в частности с 1890-х гг. до самой своей смерти в 1955 г. Статьи Бонч-Бруевича, основанные на обширном эмпирическом материале, значительно расширили и углубили заложенную Лениным марксистскую интерпретацию толстовства. Наиболее удачными его работами следует признать «Раскол и сектантство в

³ Drake D. Light from Tolstoy on Russia [Electronic source] // International Journal of Ethics. 1920. Vol. 30. No. 2. P. 191. URL: <http://www.jstor.org/stable/2377262>

⁴ Скиба С.А. Современное толстовство (Церковь Льва Толстого) // Вестник МГУ: Философия. М., 1995. №5. С. 65-73.

⁵ Баранов Е. Толстовцы. М., 1912. 96 с.

⁶ Пругавин А.С. О Льве Толстом и о толстовцах. Очерки, воспоминания, материалы. М., 2012. 323 с.

⁷ Кривенко С.Н. На распутьи. Культурные скиты и культурные одиночки. М., 1901. 339 с.

⁸ Ленин В.И. Лев Толстой, как зеркало русской революции // Полн. собр. соч. Т. 17. М., 1968. С. 202-210.

России» и «Кривое зеркало сектантства»⁹. На фоне сочинений Бонч-Бруевича работы о толстовстве первого десятилетия советской власти выглядят довольно бледно. Антирелигиозники Ф. Путинцев¹⁰, Е. Ярославский¹¹, исследователь анархизма Б.В. Горев¹², нередко жертвуя достоверностью фактов и упрощая марксистский подход к толстовству, заостряли внимание на его критике.

После 40-летнего перерыва, в течение которого само толстовство как общественное явление в стране практически исчезло, общая смена ориентиров отечественной историографии привела к тому, что интерес к проблеме вновь начал пробуждаться. Гибкое и эффективное использование А.И. Клибановым марксистской методологии позволило полнее раскрыть социальную неоднозначность и сложность сектантства. Самыми удачными его работами, затрагивающими толстовство, являются «Народная социальная утопия, XIX в.» и «Религиозное сектантство в прошлом и настоящем»¹³. Три статьи другого исследователя, З.В. Калиничевой¹⁴ не только продолжили развитие марксистского подхода к проблеме, но и важны сами по себе, как попытка возвращения проблемы в советскую историографию.

С конца 1980-х гг. можно говорить о повторном обращении отечественной историографии к теме толстовства. С.Н. Канев в книге «Революция и анархизм»¹⁵, хотя и написанной в жестком «партийном» тоне, немалое внимание уделяет взглядам Толстого и деятельности толстовцев. С.Г. Петров¹⁶ предлагает во многом новое видение социальной сущности явления, рассматривая связь толстовства с городскими средними слоями. Рост интереса к проблеме продолжился в постсоветской историографии и наблюдается до сих пор. Наиболее любопытным исследованием мировоззрения Толстого и его последователей является «Христианская этика Л.Н. Толстого» Е.Д. Мелешко¹⁷. С конца 1990-х и начала 2000-х гг. вновь проявился интерес и к истории толстовских колоний. Однако ввиду специфики как самого явления, так и его источниковой базы, в поле внимания исследователей за редким исключением попадали толстовские коммуны советского, а не дореволюционного периода. Среди таких работ

⁹ Бонч-Бруевич В.Д. Раскол и сектантство в России // Избранные сочинения, Т. 1. М., 1959. С. 153-189; Он же. Кривое зеркало сектантства // Избранные атеистические произведения. М., 1957. С. 281-300.

¹⁰ Путинцев Ф. Политическая роль сектантства. М., 1928. 123 с.

¹¹ Ярославский Е. О Л.Н. Толстом и о «толстовцах». М., 1928. 28 с.

¹² Горев Б.В. Анархизм в России (от Бакунина до Махно). М., 1930. 143 с.

¹³ Клибанов А.И. Народная социальная утопия, XIX в. М., 1978. 342 с.; Он же. Религиозное сектантство в прошлом и настоящем. М., 1973. 255 с.

¹⁴ Калиничева З.В. К анализу причин краха «земледельчески-трудовых» идеалов толстовства // XXIX Герценовские чтения. Научный атеизм, этика, эстетика. Л., 1976. С. 18-23; Она же. К вопросу о возникновении толстовства // XXVII Герценовские чтения. Научный атеизм, этика, эстетика. Л., 1974. С. 56-63; Она же. К вопросу о социальной сущности идей толстовства // XXVIII Герценовские чтения. Научный атеизм, этика, эстетика. Л., 1975. С. 51-58.

¹⁵ Канев С.Н. Революция и анархизм. Из истории борьбы революционных демократов и большевиков против анархизма (1840-1917 гг.). М., 1987. 328 с.

¹⁶ Петров С.Г. Толстовство в первые послеоктябрьские годы // Великий Октябрь и крах непролетарских партий России. Калинин, 1989. С. 145-150; Он же. Толстовство и средние слои (к постановке вопроса // Городские средние слои в трех российских революциях. М., 1989. С. 171-178.

¹⁷ Мелешко Е.Д. Христианская этика Л.Н. Толстого. М., 2006. 309 с.

удачной оказалась диссертация Т.В. Петуховой, изданная впоследствии в виде монографии¹⁸, Оно содержит целый ряд ценных сведений и превосходно отражает произошедшую смену методологических подходов к проблеме.

Невозможно не отметить обширное диссертационное исследование И.А. Гордеевой (2000 г.)¹⁹. Будучи посвященным т.н. «коммунитарному движению» только конца XIX в., а не толстовцам до 1917 г., общинам русских интеллигентов, а не земледельческим колониям вообще, оно, тем не менее, содержит множество полезных сведений по интересующей нас проблеме. Совершенно новый угол зрения и решительный отказ от стандартных методологических подходов составляют новаторство этого исследования.

В течение 2000-х и 2010-х гг. в поле внимания исследователей оказывались лишь отдельные сюжеты истории толстовских колоний. В качестве примеров можно отметить статьи О. Матвиенко о сочинской коммуне толстовцев²⁰, И.А. Воробьева о толстовских колониях в Англии²¹.

Параллельно с марксистским подходом религиозные мыслители, передавшие после 1917 г. эстафету эмиграции, заложили и альтернативную интерпретацию толстовства. В противовес универсализму марксистского подхода ее ценность состоит в акценте на цивилизационное происхождение толстовства, связанного с особенностями русской религиозности. Весьма любопытную статью написал С.Л. Франк еще в сборнике «Вехи» (1909 г.)²². Сходную точку зрения развивал Н.А. Бердяев – из использованных нами его статей отметим «Духи русской революции»²³. Интереснейшую работу в рамках того же направления в эмиграции написал Г.В. Флоровский²⁴ в 1930-е гг. – любопытны и подход к толстовству, и сама авторская концепция развития русской общественной мысли. Здесь же логично упомянуть статью другого эмигранта Г.П. Федотова о религиозных корнях народничества²⁵. Совершенно иным памятником эмигрантского направления стала книга диссидента М. Поповского о толстовцах в Советской России²⁶, преимущественно акцентировавшая внимание на них как на невинных жертвах большевистского режима.

¹⁸ Петухова Т.В. Коммуны и артели толстовцев в Советской России (1917-1929 гг.). Ульяновск, 2008. 124 с.

¹⁹ Гордеева И.А. Коммунитарное движение в России в последней четверти XIX в.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2000. 472 с.

²⁰ Матвиенко О. К истории толстовской коммуны в Сочи (по материалам архива А. В. Лычагова) [Электронный ресурс] // Вестник Сочинского отделения РОИА «Время и документы». Вып. 1. Режим доступа: <http://edemkavkaza.ru/historycat/472-tolststory.html>

²¹ Воробьев И.А. Толстовские колонии в Англии во второй половине 1890-х годов // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Калининград, 2011. № 6. С. 141-146.

²² Франк С.Л. Этика нигилизма (к характеристике нравственного мировоззрения русской интеллигенции) // Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 167-199.

²³ Бердяев Н.А. Духи русской революции // Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 250-289.

²⁴ Флоровский Г.В. Указ. соч. 605 с.

²⁵ Fedotov G.P. The Religious Sources of Russian Populism [Electronic source] // Russian Review. 1942. Vol. 1. No. 2. Pp. 27-39. URL: <http://www.jstor.org/stable/125199>

²⁶ Поповский М. Русские мужики рассказывают... Последователи Л.Н. Толстого в Советском Союзе, 1918-1977 [Электронный ресурс]. Нью-Йорк, 1981. Режим доступа: http://www.krotov.info/libr_min/16_p/op/ovskiy_00.htm.

Привлечение нами иностранной литературы носит ситуативный характер, что объясняется фрагментарной разработанностью в ее рамках исследуемой проблемы. Исключением является вышедшая в 2013 г. монография Ш. Эльстон²⁷, предпринявшей попытку обобщить опыт «толстовского движения» сразу в нескольких странах. К сожалению, толстовским колониям, особенно в России, автор почти не уделяет внимания. Также весьма любопытна монография А. Фодора о взаимоотношениях Толстого и Черткова²⁸, которая, помимо центральной темы, затрагивает широкий спектр других вопросов. Среди статей иностранных авторов стоит отметить исследование К. Уэнзера об увлечении Толстого идеями Г. Джорджа²⁹, работу А.Э. Сenna о толстовце П.И. Бирюкове³⁰, публикацию Д. Кэмфилда о Д.А. Хилкове и т.н. «Павловском деле»³¹. Особняком стоит любопытная работа болгарских историков о толстовстве в своей стране³².

Как видно из обзора, работ о толстовских земледельческих колониях дореволюционной России не существует; даже само явление толстовства изучалось, как правило, ситуативно и непоследовательно. Несколько интереснейших исследований посвящено смежным либо тематически, либо хронологически проблемам, но и они единичны.

Объектом исследования выступает толстовство как социальное явление конца XIX – начала XX в.

Предметом исследования являются сами толстовские колонии, которые в своем единстве рассматриваются в качестве движения толстовцев «на землю». Оно в свою очередь включает в себя не только событийную сторону, но и мировоззренческие мотивы участников.

Хронологические рамки. Нижней хронологической рамкой является 1881 г. – этот год, как правило, рассматривается в качестве окончания «духовного кризиса» самого Толстого, когда толстовство как идеология приобрело свои окончательные черты; в том же году появляется и первая толстовская колония. Верхней хронологической рамкой следует обозначить ноябрь (по новому стилю) 1917 г. – принятие Декрета о земле и хозяйственная политика большевиков привели к кардинальному изменению социального состава, задач, форм и способов организации толстовских колоний, в результате чего движение «на землю» советского периода имело совершенно иной внешний облик и другое внутреннее содержание. Отдельные сюжеты, освещаемые в работе, могут несколько отступать от

²⁷ Alston Ch. Tolstoy And His Disciples: The History of a Radical International movement. L.:N.Y., 2014. 309 pp.

²⁸ Fodor A. A Quest for a Non-violent Russia. The partnership of Leo Tolstoy and Vladimir Chertkov. Lanham: N.Y.: L., 1989. 217 pp.

²⁹ Wenzel K.C. The Influence of Henry George's Philosophy on Lev Nikolaevich Tolstoy: The period of Developing Economic Thought (1881-1897) [Electronic source] // Pennsylvania History. 1996. Vol. 63. No. 2. Pp. 232-252. URL: <http://www.jstor.org/stable/27773884>

³⁰ Senn A.E. P.I. Biriukov: a Tolstoyan in War, Revolution and Peace [Electronic resource] // Russian review. 1973. Vol. 32. No 3. Pp. 278-285. URL: <http://www.jstor.org/stable/128249>.

³¹ Camfield G.P. The Pavlovtsy of Khar'kov Province, 1886-1905: Harmless Sectarrians or Dangerous Rebels? [Electronic source] // The Slavonic and East European Review. 1990. Vol. 68. No. 4. Pp. 692-717. URL: <http://www.jstor.org/stable/4210447>

³² Терзиева М. Поглед върху толстоизма в България. Бургас, 2003. 196 с.

хронологических рамок, но это допущено нами в связи с необходимостью избежать фрагментарности исследования.

Территориальные рамки охватывают те регионы Российской империи, на территории которых в дореволюционный период концентрировалось большинство толстовских колоний. Это прежде всего Центральная Россия (Московская, Смоленская, Тверская, Костромская, Нижегородская, Воронежская губ.), Северное, Северо-Восточное побережье Черного моря и Кавказ (Черноморский округ, позднее Черноморская губ., Херсонская, Тифлисская, Кутаисская губ., Терская, Кубанская и Донская обл.), Восточная и Северная Украина (Харьковская, Екатеринославская, Киевская и Черниговская губ.), Средняя Азия (Сырдарьинская и Семиреченская обл.). Отдельные колонии толстовцев существовали и в других уголках России – например, в Самарской губ. или в Амурской обл. Ввиду не меньшей значимости их истории для нашей работы и необходимости представить целостную картину движения толстовцев «на землю» опыт этих колоний также был исследован.

Цель работы состоит в исследовании причин и динамики движения толстовцев «на землю» в России 1881-1917 гг.

Эта цель конкретизируется в следующих **задачах** исследования.

- обосновать подход, рассматривающий толстовство как форму народничества; изучить те явления общественной жизни, которые выступали в качестве истоков толстовства: русское народничество, альтернативные (новые социальные) движения, сектантство.

- представить учение Толстого и исследовать его восприятие последователями; проанализировать идеалы «самосовершенствования» и «единения», которые обусловили особенности толстовских колоний; рассмотреть социальный состав движения «на землю» и общие тенденции его развития в 1881-1917 гг.

- перейдя к событийной стороне движения толстовцев «на землю» дореволюционного периода, изложить историю коллективных поселений: общин и артелей; проанализировать причины их недолговечности.

- представить развитие альтернативной индивидуальной практики движения толстовцев «на землю», которая включала в себя соседские поселения, хутора и форму бродяжничества.

Источниковая база исследования. Привлеченные в ходе исследования источники представляется логичным разделить на шесть больших групп.

1. **Делопроизводственные документы** государственных структур обладают такими несомненными преимуществами, как точность и подробность предоставляемых сведений о жизни толстовских колоний и деятельности толстовцев вообще. Несмотря на все же изредка встречающиеся фактические ошибки, именно полицейские наблюдения позволили нам воссоздать тот событийный каркас движения толстовцев «на землю», без которого само исследование едва ли стало бы возможным. В рамках этой группы наиболее информативными оказались наблюдения 3-го

делопроизводства Департамента полиции (Государственный архив РФ. Ф. 102. 3 д-во), а затем и наследовавшего ему Особого отдела (ГАРФ. Ф. 102. ОО); в ощутимо меньшем объеме сведения о толстовцах содержатся в делах 4-го и 7-го делопроизводств (ГАРФ. Ф. 102, 4 д-во, 7 д-во). Отдельные характеристики толстовцев и толстовских колоний имеются в объемном фонде Министерства юстиции (ГАРФ. Ф. 124). Деятельность толстовцев в Нижегородской губ. была изучена нами отдельно с привлечением местных фондов Канцелярии губернатора (ЦАНО. Ф. 2), Полицейского управления (ЦАНО. Ф. 342), Духовной консистории (ЦАНО. Ф. 570).

2. Материалы земледельческих колоний и обществ логически следуют после группы делопроизводственных источников; помимо документации сугубо толстовских колоний и обществ, они включают и соответствующие материалы близких толстовцам «по духу» организаций. Вопреки своей колоссальной значимости как в информативном, так и в мировоззренческом отношении, эта группа источников не стала многочисленной. С одной стороны, это объясняется недолговечностью самих проектов толстовцев; с другой – идеологическим неприятием большинством из них каких-либо внешних форм организации и регламентации. Поэтому каждая из единиц этой группы представляет особенную ценность, что отразилось в обильном цитировании этих документов и в частичном их воспроизведении в приложении 4. Материалы земледельческих колоний и обществ усердно собирали при жизни В.Г. и А.К. Чертковы – часть этой документации сохранилась в их фондах в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ. Ф. 435) и в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ. Ф. 552). Аналогичные источники можно обнаружить и в фондах толстовцев К.С. Шохор-Троцкого (НИОР РГБ. Ф. 345) и И.И. Горбунова-Посадова (РГАЛИ. Ф. 122), а также – исследователя сектантства А.С. Пругавина (РГАЛИ. Ф. 2167).

3. Философские, теоретические, публицистические и художественные произведения являются превосходными источниками для исследования толстовского мировоззрения, для установления многообразных логических связей между убеждениями и реалиями жизни толстовцев, наконец, для определения мотивов движения «на землю». Архивные источники этой группы обладают ощутимо меньшим значением – стоит выделить лишь неопубликованные статьи толстовцев, распыленные по фондам К.С. Шохор-Троцкого (НИОР РГБ. Ф. 345), И.И. Горбунова-Посадова (РГАЛИ. Ф. 122), несколько неизданных публицистических работ В.Ф. Булгакова (РГАЛИ. Ф. 2226). С другой стороны, значимость уже опубликованных философских и публицистических сочинений самого Л.Н. Толстого и его последователей сложно переоценить. Вполне естественно, что философские работы Толстого вошли в эту группу практически полностью – наиболее систематичной из них стоит признать

«Путь жизни»³³. Среди произведений толстовцев отметим брошюру «Наше жизнепонимание»³⁴, составленную Н.Г. Сутковым и П.П. Картушиным, сборник памфлетов В.Г. Черткова³⁵, философские произведения Ф.А. Страхова³⁶. К этой же группе отнесены и сочинения авторов, близких Толстому и последователям, к примеру, трактаты Г. Джорджа о «едином налоге»³⁷.

4. **Материалы периодических изданий** носят в значительной мере вспомогательный характер, хотя некоторые из них предоставляют множество ценных сведений. Как и в случае с предыдущей группой, архивные материалы периодических изданий имеют второстепенное значение – среди них можно отметить только сборник «Всемирное единение», обнаруженный в фонде И.И. Горбунова-Посадова³⁸. Ценность же опубликованных в печати сведений о толстовских колониях значительно выше. Выдающееся значение имели ежегодные «Календари для всех» (с 1909 г. «Календари для каждого»), составлявшиеся А.С. Зоновым – в течение нескольких лет они имели отдел «Трудовые колонии»³⁹. Очерки о посещениях земледельческих колоний относительно регулярно публиковались корреспондентами и в периодической печати, но лишь единицы из этих репортажей обладают высокой информативностью. Таковыми стоит признать очерки Н.М. Селезнева об общине Шевелево⁴⁰ и И. Ветрова о Ржевской артели⁴¹.

5. **Воспоминания, дневники, личные заметки и записи** составляют следующую группу. Их ценность состоит не столько в подробности содержащихся фактических сведений, сколько в предоставляемой ими возможности взглянуть на мир толстовцев со всей его спецификой убеждений и жизни изнутри. Довольно обширные биографические сведения, содержащиеся в ответах на анкеты и в воспоминаниях об отказах от военной службы, собрал К.С. Шохор-Троцкий (НИОР РГБ. Ф. 345); некоторые мемуары и автобиографии толстовцев сохранились в фонде В.Д. Бонч-Бруевича (НИОР РГБ. Ф. 369); довольно содержательна и коллекция воспоминаний Андрея и Анатолия Буткевичей (НИОР РГБ. Ф. 599). Среди фондов РГАЛИ обращает на себя внимание т.н. «Толстовское собрание» (РГАЛИ. Ф. 508), включающее в себя мемуары В.И. Алексеева, М.В. Алехина, Е.И. Попова и др., а также – фонд В.Ф. Булгакова, содержащий очерк о его путешествии 1912 г. по черноморскому побережью⁴². Среди массива опубликованных источников данной группы

³³ Толстой Л.Н. Путь жизни 1910 г. // Полн. собр. соч. Т. 45. М., 1992. 501 с.

³⁴ Наше жизнепонимание. Воронеж, 1917. 16 с.

³⁵ Чертков В.Г. Наша революция: насильственное восстание или христианское освобождение. М. 1907. 132 с.

³⁶ Страхов Ф. По ту сторону политических интересов. М., 1907. 129 с.

³⁷ Джордж Г. Земельный вопрос: его сущность и его единственное решение. М., 1907. 112 с.; Он же.

Прогресс и бедность. Исследование причины промышленных застоев и бедности, растущей вместе с ростом богатства. Средство избавления. СПб., 1906. 395 с.

³⁸ РГАЛИ. Ф. 122. Оп. 1. Ед. хр. 2090.

³⁹ Календарь для всех на 1907-1908 гг. М., 1907; Календарь для каждого на 1909-1918 гг. М., 1908-1917.

⁴⁰ Н.С. [Селезнев Н.М.] Шавеевская колония // Смоленский вестник. Смоленск, 1891. №81, 85, 86, 92, 101.

⁴¹ Ветров И. Толстовство в жизни // Вегетарианское обозрение. Киев, 1912. №6. С. 224-228.

⁴² РГАЛИ. Ф. 2226. Оп. 1. Ед. хр. 162.

наиболее любопытными следует признать обширные воспоминания участника ряда толстовских колоний В.И. Скороходова⁴³. В информативном отношении очень ценны воспоминания В.В. Рахманова о толстовстве в 1880-1890-х гг.⁴⁴, А. Михайлова – о колонии Лескен⁴⁵, очерк Ф. Казманова о толстовцах близ Пятигорска⁴⁶ и, конечно, обширный дневник Д.П. Маковицкого о жизни в Ясной Поляне в 1904-1910 гг., снабженный информативными примечаниями⁴⁷. Для изучения мировоззрения толстовцев ценными оказались опубликованные дневники И.Ф. Наживина⁴⁸ и впервые изданные в 2012 г., воспоминания В.Ф. Булгакова⁴⁹.

6. **Письма** толстовцев и окружения были обособлены нами в отдельную группу ввиду не только их количества, но и особенной роли. В отличие от воспоминаний и даже дневников письма толстовцев более выпукло передают сиюминутные настроения и интимные мысли своих авторов, что позволяет удачно оттенить и дополнить их более стабильные, «нормативные» убеждения. Эта особенность корреспонденции в целом при исследовании толстовства становится ее ощутимым преимуществом, если учитывать еще и настойчивое стремление толстовцев быть всегда искренними со своими адресатами. Кроме того, как и любые письма, источники этой группы предоставляют и немалое количество полезных сведений. В рамках неопубликованных писем затруднительно выделить какой-либо особенный фрагмент группы – все без исключения, приведенные нами выше личные фонды, так или иначе, содержат ценную переписку. Особенное внимание уделялось работе с письмами А.А. Медведева (НИОР РГБ. Ф. 435, 345. РГАЛИ. Ф. 552), собиравшего сведения о земледельческих колониях. Колоссальное значение имеют многочисленные опубликованные письма Л.Н. Толстого⁵⁰, сопровождаемые в полном собрании его сочинений краткими, но достаточного подробными примечаниями, которые, несмотря на встречающиеся в них ошибки, оказались весьма полезны.

Методология исследования. В рамках нашей работы наиболее продуктивным представляется синтез формационного и цивилизационного подходов. С одной стороны, если интерпретировать толстовство вне генезиса капиталистических отношений в российском обществе, то оно неизбежно оказывается выброшенным из социального контекста явлением, необъяснимым феноменом в историческом вакууме. С другой стороны – та

⁴³ Скороходов В.И. Из воспоминаний старого общинника // Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни. Пг., 1914. №2, 3, 4, 6, 7, 8-9, 11, 12; 1915. №5; 1916. №7-8.

⁴⁴ Рахманов В.В. Л.Н. Толстой и «толстовство» в конце восьмидесятых и начале девяностых годов // Минувшее. СПб., 1908. №9. С. 3-33.

⁴⁵ Михайлов А. В «толстовской» колонии. По личным воспоминаниям // Вестник Европы. СПб., 1908. №9, 10.

⁴⁶ Казманов Ф. Среди «толстовцев» // Баранов Е., Казманов Ф. Толстой жив. М., 1911. С. 15-37.

⁴⁷ Яснополянские записки Д.П. Маковицкого в 4-х Кн. // Литературное наследство, Т. 90. М., 1979.

⁴⁸ Наживин И.Ф. Моя исповедь // Собр. соч. Т. 5. М., 1912. С. 10-399. Он же. Красные маки: мой дневник // Собр. соч. Т. 6. М., 1912. С. 10-428.

⁴⁹ Булгаков В.Ф. Как прожита жизнь: воспоминания последнего секретаря Л.Н. Толстого. М., 2012. 864 с.

⁵⁰ Толстой Л.Н. Письма // Полн. собр. соч. Т. 62-82. М., 1992.

форма, которую антикапиталистический протест приобрел в толстовстве, не может быть объяснена вне особенностей российского общества.

Очерченная методология конкретизируется и в принципах исследования. Принцип историзма применялся во всей его полноте – стремясь избежать распространенной ошибки, мы старались рассматривать толстовство именно как динамичное, неразрывно связанное с социальной действительностью явление. Этому соответствует и применение принципа социального анализа – многообразные социально-экономические и политические корни и контексты толстовства мы стремились подробно разобрать. Представлялось необходимым осуществить во всей полноте и принцип правдивости – вопреки желанию представить свою работу в совершенном виде, мы обращаем внимание и на те сюжеты, которые являются «белыми пятнами» в общей картине исследования.

Среди методов исследования, по крайней мере, два имеют определяющее значение. Это сравнительно-исторический и историко-генетический методы, применение которых проявилось в сопоставлении толстовства с окружающими социальными явлениями и в анализе многообразных причинно-следственных связей движения «на землю» соответственно. Кроме того, применялся метод когнитивной реконструкции, позволивший обобщить, систематизировать и представить в качестве логически связной системы весь эклектичный на первый взгляд комплекс толстовских идей. Использованы общие логические методы – синтез и анализ наиболее полное применение нашли при характеристике толстовского мировоззрения; дедукция и индукция – при соотношении, как частного и общего, опыта отдельных толстовских колоний и движения толстовцев «на землю» вообще.

Научная новизна исследования. В работе предложен и обоснован авторский подход к явлению толстовства; рассмотрены явления социальной жизни, обусловившие генезис толстовства. В результате этого толстовство представлено в виде исторически закономерного явления. Подробно и последовательно проанализированы мировоззренческие установки толстовцев, участвовавших в движении «на землю». Выделены особенности именно толстовских колоний. Восстановлена и последовательно изложена судьба коллективных форм толстовских колоний (общин и артелей) в дореволюционный период. Впервые представлена история индивидуальных толстовских колоний (соседских поселений и хуторов) в 1881-1917 гг. Весь собранный фактический материал обобщен, на его основе в работе впервые проанализированы основные тенденции развития движения толстовцев «на землю» в исследуемый период.

Основные положения диссертации, выносимые на защиту.

1. Толстовство является формой народничества в широком смысле, соответствуя четырем его основным признакам: наличие концепции «народа» (прежде всего крестьянства) как социально-культурного слоя, который следует укрепить и защитить от натиска буржуазных отношений; идея некапиталистического пути развития посредством усовершенствования

традиционного коллективизма; отстаивание неклассового пути социальной эволюции; акцент на аграрные преобразования.

2. Конкретно-историческими истоками толстовства выступают а) российское народничество, б) религиозное рационалистическое сектантство, в) альтернативные (новые социальные) движения, среди которых особую роль сыграло т.н. «коммунитарное движение». Каждое из этих явлений оказало влияние на генезис толстовства, что проявилось в наличии множества его сходств с ними. Вместе с тем большинство этих сходных черт приобретало в толстовстве собственный смысл и новое звучание.

3. Мировоззрение Л.Н. Толстого характеризуется наличием осязаемого социального контекста. Часть толстовцев, т.н. «активисты» создавали земледельческие колонии, стараясь воплотить в жизнь толстовскую социальную программу. Центральным принципом их мировоззрения было т.н. «самосовершенствование», представлявшееся толстовцам как процесс нравственного развития каждой отдельной личности, в результате которого должен происходить социальный прогресс человечества. Этот принцип толстовцев определял основные особенности жизни толстовских колоний: индивидуализм, эскапизм, анархизм, непотворление и ненасилие, антиклерикализм, крайний аскетизм («опрощение»). Само движение «на землю» было отражением толстовского идеала «единения» – основанного на идее общности всех существ императива, стремления преодолеть любые формы социального отчуждения путем личного отказа от тех общественных явлений, которые его порождают. В зависимости от степени и акцентов «единения» толстовские колонии принимали одну из четырех форм: общины, артели, соседские поселения (группы хуторов единомышленников), хутора. В полной мере идеал «единения» воплощался в практике бродяжничества.

4. Установлена социальная принадлежность 409 из 485-ти толстовцев, участвовавших в движении «на землю» и известных нам поименно. Большинство этой группы в 409 человек составляли разночинцы (173) и крестьяне (108). В течение 1881-1917 гг. удельный вес разночинцев постепенно снижался, что могло быть вызвано вовлечением их в революционную борьбу и консолидацией интеллигенции как социального слоя. Доля же крестьян в толстовских колониях с начала XX в., напротив, возрастала, что объясняется усиленной ломкой патриархального уклада под воздействием складывавшихся капиталистических отношений и в частности аграрной реформы П.А. Столыпина. В течение 1881-1917 гг. постепенно увеличивалась самоорганизация движения; аналогичную динамику имело расширение интернациональных связей толстовцев. В 1910-е гг. толстовцами стали создаваться детские трудовые колонии «на земле».

5. На «общинном» этапе движения (1880-е – первая половина 1890-х гг.) существовало 10 земледельческих общин толстовцев, все они распались в сроки, не превышавшие 3 года. На «общинно-артельном» этапе (1895-1917 гг.) было создано 6 общин и 7 артелей, единицы из них существовали более 5 лет. Срок существования самого длительного коллективного поселения толстовцев превосходил 8 лет.

6. Распад общин и артелей происходил, главным образом, из-за внутренних конфликтов на почве несоответствия практической жизни участников «высоким» толстовским идеалам. Свой вклад вносило неумение, граничившее с нежеланием, толстовцев заниматься земледельческим трудом; немалую роль играло и неприятие коллективных поселений со стороны администрации, общественности и местного населения.

7. В течение дореволюционного периода толстовцы организовали 10 соседских поселений (групп хуторов), большинство из них было создано в десятилетие 1895-1905 гг. Поселения этой формы, сочетавшей индивидуальное ведение хозяйства с наличием коллектива единомышленников, отличались большей устойчивостью – некоторые перешагнули рубеж 1917 г. Основной причиной их распада выступали уже не столько внутренние конфликты, сколько акты давления властей.

8. Толстовцами часто создавались и индивидуальные хозяйства – хутора. В исследуемый период их выявлено 22. Срок их существования значительно превосходил таковой у колоний иных видов. В связи с этим можно утверждать, что именно толстовский хутор был формой наиболее оптимальной для осуществления перехода толстовцев к земледельческой жизни. Бродяжничество, как индивидуальная форма движения «на землю», встречалось редко (8 случаев), но своей эксцентричностью вызывало у толстовцев и даже общественности живой интерес.

Практическая значимость. Результаты работы могут быть применены при анализе идеологий антикапиталистических общественных и религиозных течений, а также – для исследования специфики пацифистских движений прошлого и современности. Материалы диссертации могут быть использованы при создании обобщающих трудов по истории утопической мысли и общественных движений России XIX – начала XX веков, и, кроме того, в учебном процессе.

Апробация работы. Основные положения данного исследования изложены автором в 15 публикациях общим объемом 7,25 п.л., три из них опубликованы в изданиях, рекомендованных ВАК РФ. Результаты исследования представлены в докладах на всероссийских и межрегиональных конференциях в Тульском и Бердянском педагогических университетах, в Нижегородском и Воронежском государственных университетах, Институте мировой литературы РАН, а также – на региональных конференциях.

Структура исследования подчинена проблемно-хронологическому принципу и соответствует поставленным выше задачам исследования. Общая логика исследования подразумевает последовательный переход от общего (социальной ситуации, породившей толстовство) сначала к частному (толстовству), а затем к конкретному (практике толстовского движения «на землю»). Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка источников и литературы, четырех приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** раскрыта актуальность темы, определены предмет, объект, хронологические рамки, цель и задачи, методологический базис работы, проанализированы степень изученности проблемы и источниковая база исследования, охарактеризована его практическая значимость.

Первая глава **«Сущность и истоки толстовства»** состоит из четырех параграфов.

Первый параграф, озаглавленный *«Толстовство как форма народничества»*, посвящен формулировке и обоснованию подхода к толстовству, как к форме народничества в широком смысле. На основе толстовской публицистики, воспоминаний и писем показано, что толстовство соответствует четырем признакам народничества, сформулированным и описанным исследователем В.Г. Хоросом.

Второй параграф *«Русское народничество и толстовство; учение о “богочеловечестве”»* аналогичным образом раскрывает преемственность народнических и толстовских идеалов в России. При этом обращается внимание и на их ощутимые различия, среди которых – отношение к религии. Показано, что т.н. народнический «субъективный метод» под давлением пореформенной общественно-политической ситуации оборачивается в толстовстве учением о самосовершенствовании, анархизм и активная борьба с государством – аполитичностью и непротивлением. Проанализировано явление т.н. «секты богочеловеков» А.К. Маликова, ставшей своеобразным прецедентом формирования в народнической среде учения, во многом близкого толстовству.

Третий параграф *«Альтернативные (новые социальные) движения и коммунитаризм»* посвящен выявлению общих черт мировоззрений толстовцев и сторонников альтернативных движений. В спектре альтернативизма обращает на себя внимание т.н. «коммунитарное движение», предшествовавшее в России толстовству и оказавшее на его генезис влияние. Опираясь на исследование коммунитаризма И.А. Гордеевой, рассмотрены характер и степень этого влияния, в частности сказавшегося на принятии толстовцами общины как одной из форм земледельческих колоний. При этом на основании публицистического и эпистолярного материала отмечено, что не столько общинный, сколько земледельческий трудовой идеал стал для толстовцев ведущим.

Четвертый параграф *«Толстовство и русское рационалистическое сектантство»* содержит анализ идеологических сходств и различий толстовцев и представителей русских рационалистических сект (духоборов, молокан, штундистов, «сютаевцев» и др.). Проиллюстрирована не только преемственность отдельных принципов (индивидуализма, рационализма, пацифизма, «непротivления», анархизма, утопизма, трудового идеала), но и их трансформация в рамках толстовского учения. К примеру, аскетизм принимался толстовцами умозрительно и не имел под собой практической основы, что вело к его радикализации и превращению в известное,

толстовское «опрощение»; подобную же метаморфозу претерпевал и идеал трудолюбия.

Вторая глава «Толстовство и движение “на землю”» состоит из четырех параграфов.

В первом параграфе «*Мировоззрение Л.Н. Толстого и восприятие толстовства его последователями*», в первую очередь, излагается учение Л.Н. Толстого: сначала оно представлено в качестве статичной философской системы, а затем рассмотрено в процессе становления и во взаимосвязи с развитием российского общества своей эпохи. Такой подход позволяет лучше понять интерпретацию толстовства его последователями. Интерпретации толстовцев тяготели к одному из двух полюсов – восприятию толстовства как отвлеченной от действительности религиозно-философской системы или принятию его в качестве социального учения и практического руководства по изменению своей повседневной жизни. Это различие рассматривается как основание для условного разделения всех толстовцев на соответственно «теоретиков» и «активистов»; именно вторая группа приняла участие в движении «на землю».

Второй параграф под названием «*Принцип самосовершенствования и “трудовой идеал”*» раскрывает суть т.н. «самосовершенствования», бывшего центральной идеей толстовского мировоззрения вообще и его интерпретации толстовцами-«активистами» в частности. Отличия самосовершенствования по-толстовски от аналогичного идеала участников других, не-толстовских земледельческих общин обусловили ряд особенностей толстовских колоний, которые описаны и проанализированы здесь же. Среди таковых обращают на себя внимание индивидуалистический и эскапистский характер толстовских колоний, а также – крайний аскетизм участников и особая значимость трудового идеала.

Третий параграф «*Идеал “единения” и формы земледельческих колоний толстовцев*» посвящен исследованию другого центрального принципа толстовского мировоззрения, который воплощался в практике движения «на землю» – т.н. «христианскому единению», противопоставлявшемуся толстовцами растущему в современном им обществе отчуждению людей друг от друга. Генетически мотив «единения» восходит к идеалу общины-братства, характерных для участников первых, не-толстовских общин и получившему в толстовстве христианско-этический пафос объединения всего человечества в одну семью. Само «единение» может быть рассмотрено, как в смысле братства участников колоний между собой, так и в значении преодоления отчуждения с социальной средой в целом. В зависимости от степени и способа выражения этого идеала мы вслед за самими толстовцами можем выделить четыре основных формы земледельческих колоний. Практика бродяжничества, наиболее полно воплощавшая в себе толстовский идеал «единения», также может быть рассмотрена в качестве одной из форм движения «на землю».

В заключительном, четвертом параграфе второй главы «*Движение толстовцев “на землю” в 1881-1917 гг.: социальный состав и общие*

тенденции развития» представлены сведения об общей численности движения, о распределении толстовцев по общественной принадлежности и происхождению; проанализированы динамика участия в колониях различных социальных слоев, ее причины и факторы. Кроме того, рассмотрен процесс самоорганизации движения – с начала XX в. и особенно в 1910-е гг. постепенно возрастает число обществ и отдельных активистов, бравших на себя те или иные функции по консолидации движения «на землю». Аналогичную динамику имело и развитие интернациональных связей толстовцев. Обозначенные тенденции продолжили свое развитие в советский период.

Третья глава исследования **«Движение толстовцев “на землю” в 1881-1917 гг.: коллективные поселения»** посвящена фактической стороне проблемы и состоит из трех параграфов.

Первый параграф, озаглавленный *«Общины в 1880-е и первой половине 1890-х гг.»*, содержит подробное изложение истории каждой из 10 толстовских общин, образованных в данный период. Первой из них в 1886 г. стало организованное Н.Л. Озмиздовым поселение близ Сочи; наиболее крупными и любопытными с точки зрения исследования стали общины А.В. Алехина в Шевелево Смоленской губернии и М.А. Новоселова в Дугино Тверской губернии. В целом можно констатировать крах ранних толстовских общин – все они распались в течение первых трех лет своего существования.

Второй параграф *«Артели и общины 1890-х – 1917 г.»* включает сведения о судьбе 6 общин и 7 артелей, существовавших в обозначенный период. Характерно, что за своеобразным «общинным бумом» 1880-х – начала 1890-х гг. последовало затишье, вызванное разочарованием толстовцев в общинной форме. Лишь две колонии появились в десятилетие 1895-1905 гг., тогда как остальные 11 возникли в течение 1905-1917 гг. Общины продолжали распадаться в сравнительно короткий срок, тогда как артели, т.е. колонии более индивидуалистической формы, держались дольше. Одна из них (т.н. «Таежная», или «Амурская») существовала, как минимум, 8 лет. Наиболее многочисленной оказалась Ржевская артель в Воронежской губернии, созданная И.А. Беневским.

Третий параграф посвящен анализу причин распада общин и озаглавлен соответственно *«Распад толстовских общин: причины и значение»*. Среди них главной следует признать внутренние конфликты участников между собой, происходившие на почве несоответствия реального поведения общинников «высоким» толстовско-христианским требованиям. Кроме того, отвлеченное, непрактическое восприятие трудового идеала участниками коллективных поселений имело следствием безразличное отношение к хозяйственным вопросам, что неминуемо вело к экономическому краху поселений. Свою лепту вносило и негативное отношение к толстовцам со стороны государственной власти, общественности и, наконец, местного крестьянского населения. Вместе с тем распад общин в глазах многих участников, как правило, не дискредитировал толстовских принципов в целом, поэтому часть толстовцев продолжала искание «новых форм жизни».

Четвертая глава исследования «**Движение толстовцев “на землю” в 1881-1917 гг.: индивидуальная практика**», как и предыдущая, посвящена изложению эмпирических данных и также состоит из трех параграфов.

Первый параграф третьей главы «*Соседские поселения*» содержит сведения о практике толстовцами другой формы поселений, которые представляли собой несколько индивидуальных хозяйств, расположенных в непосредственной близости друг от друга. Девять из десяти соседских поселений были образованы толстовцами в десятилетие с середины 1890-х до середины 1900-х гг., лишь поселение близ ст. Люботин Харьковской губернии было создано в 1911 г. От общин и артелей эти колонии отличались менее напряженным внутренним климатом и, как следствие, бóльшим сроком существования. Три соседских поселения перешагнули рубеж 1917 г., а в одном из них толстовцы прожили до 1930-х гг.

Второй параграф «*Толстовские хутора или “культурные одиночки”*» представляет собой изложение истории единоличных попыток толстовцев перейти к жизни «на земле». Толстовский хутор, как правило, представлял собой поселение единовременно не более трех единомышленников, нередко связанных родственными узами. Общее число толстовских хуторов, сведения о которых представлены в работе, составило 22, однако изолированность жизни «культурных одиночек» и, как следствие, скудость данных о них могли стать причинами того, что были выявлены не все колонии этой подгруппы. В рамках периода 1881-1917 гг. факты возникновения хуторов распределялись относительно равномерно. Для многих толстовцев именно хуторское хозяйство стало путем окончательного перехода к жизни «на земле» – некоторые из них до конца своих дней поселились в деревне. Полученные в ходе исследования сведения позволяют сделать вывод о том, что именно эта форма колоний оказалась для толстовцев наиболее оптимальной.

Третий параграф «*Толстовцы-бродяги*» посвящен наиболее яркой и эксцентричной форме реализации идеала «христианского единения». Толстовцы-бродяги, жизнь которых проходила преимущественно в пеших странствиях между колониями, исчислялись единицами, среди них известной фигурой был С.М. Попов. Бродяга был «высшим» идеалом для толстовцев, воплощая во всей последовательности, с одной стороны, толстовскую контркультурность, анархизм, индивидуализм, а с другой – христианские принципы. Поэтому жизнь единомышленников-бродяг для самих толстовцев были вдохновением и редким доказательством того, что проповедуемые ими принципы все же можно осуществить во всей полноте.

В **Заключении** обобщены эмпирические данные и сформулированы основные выводы диссертации, а также отмечено, что движение толстовцев «на землю» продолжилось в советский период отечественной истории, а выявленные в ходе исследования тенденции его развития привели толстовство к кратковременному «золотому» веку в 1918-1922 гг.

Приложение 1 «*Колонии неизвестные и несостоявшиеся*» представляет собой небольшой очерк и объединяет полученные в ходе исследования

сведения, с одной стороны, о тех толстовских проектах, которые так и не были реализованы, с другой – о колониях, факт создания которых не был подтвержден достоверными источниками.

Приложение 2 «*Поименный список участников колоний 1881-1917 гг.*» содержит перечень расположенных в алфавитном порядке фамилий, имен и отчеств (если известно) участников движения «на землю» с указанием их социальной принадлежности. В конце списка приведен подсчет общей численности в толстовских колониях представителей различных социальных категорий.

Приложение 3 «*Толстовские колонии и их состав*» включает сведения о точном местонахождении, времени существования и участниках всех рассмотренных в исследовании колоний. Данное приложение не дублирует предыдущее, так как одни и те же лица нередко участвовали сразу в нескольких колониях.

В приложении 4 «*Материалы толстовских колоний*» приведены тексты (либо фрагменты) наиболее любопытных документов по истории движения толстовцев «на землю» с указанием архива и шифра единицы хранения. Тексты оформлены согласно правилам современной нам орфографии и пунктуации.

**Основные положения диссертации изложены
в следующих публикациях автора (общим объемом 7,25 п.л.):**

**Публикации в изданиях, входящих в Перечень ведущих рецензируемых
журналов и изданий, рекомендуемых ВАК:**

1. **Агарин Е.В.** Толстовское движение после первой русской революции // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – Нижний Новгород, 2013. – №2 (1). – С. 202-210. (0,9 п.л.)
2. **Агарин Е.В.** Коммунитарное движение в России (1901-1917 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2015. – №3 (53). – С. 13-21. (1,2 п.л.)
3. **Агарин Е.В.** Из истории толстовства: появление последователей Л.Н. Толстого в Нижегородской губернии и их судьбы // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – Нижний Новгород, 2015. – №2. – С. 9-17. (0,9 п.л.)

Публикации в иных изданиях:

4. **Агарин Е.В.** Педагогический опыт толстовских коммун // Религии России: проблемы социального служения: сборник материалов конференции. – М. – Нижний Новгород, 2010. – С. 121-124. (0,15 п.л.)
5. **Агарин Е.В.** К вопросу о причинах «ухода» Л.Н. Толстого // Материалы XVI студенческой региональной конференции

- «Пироговские чтения». – Нижний Новгород, 2010. – С. 128-131. (0,12 п.л.)
6. **Агарин Е.В.** Общественная деятельность толстовцев на Украине в 1914-1922 гг. // Збірник тез наукових доповідей студентів Бердянського державного педагогічного університету на Днях науки 19 травня 2011 року. Бердянськ, 2011. – Т. 2: Гуманітарні науки. – С. 11-12. (0,1 п.л.)
 7. **Агарин Е.В.** Феномен интеллигентской коммуны в России конца XIX в. // Наш «Анабасис». Сборник статей студентов, магистрантов и аспирантов. Нижний Новгород, 2011. – Выпуск 8-9. – С. 58-62. (0,23 п.л.)
 8. **Агарин Е.В.** А.К. Маликов и Л.Н. Толстой: взаимоотношения, преемственность концепций // Л.Н. Толстой в движении эпох. Материалы международного Толстовского форума, посвященного 100-летию со дня смерти Л.Н. Толстого. – Тула-М., 2011. – Ч. 1. – С. 81-90. (0,5 п.л.)
 9. **Агарин Е.В.** Толстовская земледельческая колония на хуторе "Ржевск" Воронежской губернии в 1911-1917 гг. // "Воронежский текст" русской культуры: сборник статей. – Воронеж, 2011. – С. 106-111. (0,3 п.л.)
 10. **Агарин Е.В.** Антивоенные выступления в журналах толстовцев в 1914-1918 гг. // Русская публицистика и периодика эпохи Первой мировой войны. – М.: Институт мировой литературы РАН, 2013. – С. 504-513. (0,5 п.л.)
 11. **Агарин Е.В.** Представления о свободе человека в мировоззрении Л.Н. Толстого и его последователей // 18 Нижегородская сессия молодых ученых: гуманитарные науки. – Нижний Новгород, 2013. – С. 191-193. (0,25 п.л.)
 12. **Агарин Е.В.** Толстовство как альтернативный коммунизм (постановка вопроса) // Перспективы мирового социалистического движения в XXI веке: материалы международной научной конференции. – Нижний Новгород, 2014. – С. 176-180. (0,25 п.л.)
 13. **Агарин Е.В.** Л.Н. Толстой и толстовство в критике последователей // Сумський історико-архівний журнал. – Сумы, 2014. – Вып. XXIII – С. 18-29. (0,95 п.л.)
 14. **Агарин Е.В.** Из истории несостоявшегося диалога: письма толстовцев к представителям царской власти [тезисы] // 19 Нижегородская сессия молодых ученых: гуманитарные науки. – Княгинино, 2014. – С. 195. (0,1 п.л.)
 15. **Агарин Е.В.** Толстовцы в Нижегородской губернии // Нижегородский краевед: сборник научных статей. Вып. 1. – Нижний Новгород, 2015. – С.42-58. (0,8 п.л.)